

Александр Владыкин

Втора. Иллюзия жизни. Том 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Евгениевич Владыкин

Втора. Иллюзия жизни. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43425711

SelfPub; 2019

Аннотация

Судьба маленькой девочки переплелась с историей государства, исчезнувшего с политической карты мира. Вся её жизнь можно назвать одним словом – выживание! Их готовили к этому с самого детства. Содержит нецензурную брань.

Глава 1

Каждый раз, когда кто-то из нас сбегал, его ловили старшие группы, а мы, раздетыми стояли на бетонном полу и вслед за воспитателем повторяли устав, который и так давно знали наизусть. Стояли до тех пор, пока беглец не был обнаружен и возвращен в «обойму». На время поисков можно было забыть про сон, еду, усталость. Любое малейшее недовольство или неповиновение каралось жестко. В обоймах старших было десять человек, в каждой обойме свой воспитатель. Наша обойма была самая младшая. Каждые двенадцать лет выпускалась группа воспитанников, состоящая из четырех обойм. Сколько было нам лет, были ли у нас родители, как нас зовут-этот вопрос я задавала себе неоднократно уже будучи взрослой женщиной, имеющей двух сыновей и трех внуков. Я была вторая, старшая в своей обойме. Нас было девять человек и у каждого свой номер. Я начинала нумерацию, первый номер, как говорил Михалыч (наш воспитатель) временно отсутствовал. А за неимением оного, вся ответственность за воспитательный процесс и дисциплину обоймы ложилась на второй номер, то есть на меня. Восемь озлобленных вымуштрованных волчат день и ночь ели меня пронзительными холодными глазенками, и я должна была ответить на любой вопрос, решить любую проблему. Мы были одна семья, наша обойма. Нас учили действовать сообща помогая друг другу и защищая друг друга. В моей обойме отсутствовал третий номер, молчаливая девочка, лет де-

сяти, прикосновение которой залечивало любую рану, убирало боль, где то далеко, далеко. Это был худощавый, угловатый ребенок с веснушками на пол лица. Мы с подачи Михайловича, называли её Мальвиной (а в сердцах Мартышка – по-русски.) И не было в обоях человека, способного двигаться по скалам, без страховки, как этот ребенок. Добрая и доверчивая она придумывала для себя сказки, которые тихонечко рассказывала нам после отбоя. И почти в каждой сказке присутствовал Конь. Это было что-то не реальное, чудесное, красивое, красивое. Воспоминание о коне в обойму принес Цыган, это пятый номер. Он больше бредил Табором, табор для него был все-это была семья (типа нашей обоймы), это был такой друг, лучше всех. Он даже клялся табором, и не было клятвы священной. Когда его принимали в юные ленинцы, он так и сказал:

– Клянусь табором.

Взрослые, что прилетели на вертолете рассмеялись, а Цыган обиделся, убежал, и пришел только на отбой. В тот день его не наказали, а как только вертушка улетела... Неделю провел в пещере с крысами, змеями и пауками, последние были пострашней.

Пятый, час мы стояли раздетые на бетоне и молились уставу, а в душе надеялись на, чудо-а вдруг, вдруг ей повезло вырваться из объятий этих холодных гор, а там, там совсем другой мир-мир волшебных коней, и люди там не ходят, а летают, прячут в воздухе... Мальвину принесли через два часа

на брезентовых носилках, через двадцать, минут прилетела вертушка. Нам был дан отбой до обеда. Завтрак пришлось простить за отсутствием, мы даже не считали это наказанием, глаза давно слипались сами под монотонное бурчание Михайловича. Потом был подъем, построение и начинался новый день, один из многих, проведенных здесь. На вершине скалы было выстроено два домика, плавно в планированных в тело самой скалы, Михайлович говорил, что когда то здесь было море, что то непонятное, немногословный воспитатель характеризовал, как много воды. Но при каждом взгляде на неприступную белую, с вкраплениями мергеля, гору, на которой жили наши учителя и инструкторы, мне не верилось, что даже капля влаги могла удержаться на вершине Агдага. Солнце всегда всходило с одной стороны, деля скалу слегка розовой, и чем выше оно поднималось по небосклону, тем четче проявлялась чистота и белизна неприступной скалы, на которой как бы случайно, зацепились чахлые кусты высокогорного кизила, колючего, гибкого, прочного, которому бог не дал достаточно листьев и ягод. Тренировочный лагерь, в котором мы жили, находился в долине, окруженной со всех сторон горами, вернее это скорее было плато, с многочисленными оврагами и обрывами, густо заросшими травой, кустарниками, а кроны деревьев покрывали малочисленные тропы, протоптанные обоймами за годы обучения. Где-то из глубины этой дикой местности слышался непрерывный гул, чередующийся с плесками и редкими стонами. Подземная

река, говорил Михайлович, примета есть такая, сильно стонать будет, жди землетрясения. В горах трясло не сильно, но часто. Мы здесь жили и привыкли к колебаниям почвы, а неверующий Михайлович, каждый раз мелко крестился, как таракан, смешно дергая усами.

Как только солнце отрывалось от вершины белого Агдага, на лифте, сделанном внутри скалы, спускались наши мучителя, как их называл восьмой и предпоследний в нашей обойме, самый хитрый из нас, никто не помнит откуда он взялся. Михалыч смеется, его КИО за ухо притащил, за срыв какого то циркового представления. Паренек обладал настолько яркой, непредсказуемой фантазией, что при виде иллюзионной картинки, созданной пятилетним беспризорным ребенком, разбежались все, циркачи тоже. В зале он остался один, громко смеялся над растерянно бродившими по манежу львами и тиграми. Потребовалось много времени, для восстановления порядка. Потерпевшие в один голос утверждали, что видели своими глазами, как упало ограждение манежа, и звери вырвались к зрителям, бежали по рядам, а за львами летели огромные крокодилы с перекушенными младенцами в зубах. Дирекция цирка пообещала вернуть билеты, но никто из зрителей к кассам не пришел. Труппу в срочном порядке отправили в отпуск, а дрессировщика увезла скорая, в рубашке с рукавами, завязанными бантиком, для красоты, наверное. По городу ветер еще долго трепал плохо

наклеенные афиши с представлением иллюзиониста мировой величины Игоря КИО. Поначалу нестандартные шутки восьмого злили всех, потом мы привыкли к нему, он к нам, и при виде ползающей нечисти в тарелках во время обеда, улыбались и грозили кулаком Немому. Ах да, я забыла, восьмой общался с нами только с помощью жестов. Он совсем не разговаривал, мычал, когда злился. Да и со слухом у него были проблемы. Учителя у нас были одни и те же, а вот инструкторы, время от времени, менялись. Немой и тех, и других доводил до нервного срыва, своими картинками. Не любил он их, они отвечали взаимностью. Инструкторов, через время, забирала вертушка, и они с дикими глазами до последнего, передвигались в каких-то странных прыжках, выписывая невероятные зигзаги, к вертолету, все это сопровождалось истеричными криками. Одни, как в белой горячке, от чего-то отмахивались, другие что-то отрывали от себя. Немой забавлялся. И так каждую вахту инструкторов. Вертолетчики говорили, что инструктора приходили в себя, по мере удаления от объекта, клялись, божились, что больше в этот ад ни ногой. Но чудесная сила-сила денег, продолжала этот спектакль для всех обойм на года. За подобные выходы, каждый раз восьмого не садили в пещеру, не устраивали массовый террор обоймы, его спускали в высохший колодец. Вы когда-нибудь видели колодцы высоко в горах? Это, когда бросаешь камень и не слышишь его падения. И каждый раз я находила Немого в одном и том же месте, на обрыве воз-

ле шатающегося камня. Он всегда слегка вздрагивал, когда я молча обнимала его, в обойме не принято было бросать своих, он с аппетитом ел принесенные мной бутерброды и размазывал следы слез по щекам. При мне он плакать стеснялся. Меня он любил и хотел в моем присутствии казаться сильным. Потом я его долго гладила по голове, он успокаивался, закрывал глаза, прижавшись к моей груди, слушая ритмичный стук моего сердца. В казарму сегодня он не шел, показывая мне картинку лисят отрицательно машущих головами. Это было продолжение его игры. На следующий день одна из старших обойм, во главе со своим воспитателем пошла доставать пленника из колодца. Там в глубине раздавались непонятные душераздирающие звуки, напоминающие громкий плач или рыдание с омерзительно громкими всхлипами. С перепугу воспет. прибежал за помощью к Михайловичу. Это для такой конторы уже был нонсенс. Попросить помощи, это равносильно, что унижить себя, мол не мужик тут я и все... Михайлович еще при подходе к колодцу, подергав себя за ус, спросил у воспета старшей обоймы:

– Ты зачем (такой вот нехороший) ишака в колодец засунул. Там у тебя ишак орет.

Воспет в отказ, что только не божился, даже дырку колодца рулеткой промерял, не войдет сюда ишак и все... Дело приобретало скандальный оборот. Мол, Михайлович, твой оболтус, проштрафившийся, ты его и доставай.

– Может у твоего Немого шиза такая, в ишаков преобра-

жаться. Гаденыш!

Уж лучше бы этот, надзиратель над старшекурсниками, этого не говорил. Михайлович конечно был резкий мужик, нагоняй мог дать, что мама не горюй, но своих воспитанников, он в обиду никогда не давал. А тем более, что их пытался обидеть фактически конкурент. Скоро выпускные экзамены, а одна из дисциплин, когда младшим дается полная воля действий, и они противостоят старшим, в выполнении поставленной командованием задачи. Каждый отобранный бал, отнюдь, не улучшал позиции выпускников. Если у младших эти учения были скорее игрой, то для выпускающейся обоймы, потеря баллов была тяжело преодолеваемым осложнением в дальнейшей карьере. И тут уже не цветом берета меряться придётся, когда двенадцати летние дети, оставляют в дураках будущих командиров спецподразделений. Михайлович злорадно отказался от предоставления помощи, с заменой слагаемых, сослался на устав, дающий небольшие льготы для воспитателей младшего, особо опасного контингента. Мол, недосмотр за его подопечными, карается особыми мерами закона, что Родина-мать не простит! И что это, не его Михайловича дело, ишаков из колодца доставать, даже преобразенных.

– Кто вчера его туда заталкивал, тот сегодня пусть и достаёт.

И в конце этой мужественно произнесенной тирады, Михайлович послал, раскрасневшегося от злости воспета, к вы-

шестоящему командиру, для решения этой проблемы. Командир жил за пределами учебного центра, как и все командиры, он не любил проблем, и людей их создающих. Прилетал на вертолете по понедельникам, не чаще двух трех раз в месяц. Появлялся на выпусках обойм в парадной форме, с очередной кралей, и с парой высоко парящими генералами с лицами вызревшей сливы. Сначала вручения, потом награждения, пожелания, прощания и самое главное – Банкет. Банкеты каждый год проходили по-разному, заканчивались всегда одинаково. Толи пьяный командир держал свое начальство, то ли генералы, с наконец раскрасневшимися лицами пытались друг друга до толкать до открытого вертолетного: не то двери, не то люка. Постоянно целующиеся в засос, так они втроем и проваливались в, принявший их, летательный аппарат. Потом командование нами переходило на телефонный режим с очередного горного сафари или рыбалки, с очередным употреблением спиртного. Аврал, третий день в колодце орет ишак, как его доставать никто не знает, командир не едет. Два добровольца пытались спуститься в колодец, были покусаны ишаком, подняты на поверхность, третьего добровольца, так связанного и опустили вниз, решили не поднимать. Чтобы ишак не зверствовал, решили время от времени бросать в колодец сена, а также опускать ведро воды, злобная скотина, но все же божья тварь. В понедельник прилетела вертушка, командир припер бригаду, в дупель пьяных грузчиков, и это на режимный объект. Бри-

гада быстрого реагирования опустила кучу веревок в колодец, налила сто грамм ныряющему в прорву, процесс пошел. Через десять минут одна из веревок дёрнулась: вира икнул глав бриг..., начался изнурительный подъем, сопровождающийся диким ревом бедного животного. Вскоре показалась голова перепуганного осла, тело явно не пролазило. Командир приказал тянуть, верх колодца развалился, и уже не орущий, а хрипящий осел, развалил, в три удара, дышащую перегаром толпу, и дал такого драпа, что арабским скакунам не снилось. Вторым вытащили добровольца, развязали на всякий случай. Третьим заходом вытащили двоих: спасателя и муллу. Последний долго сопротивлялся, но против нас, спасителей никто не устоит. Два часа искали переводчика, который, в рабочее время, собирал кизил на варенье. Переводчик сказал, что мулла зашел случайно, на закрытую территорию, в поисках своего ишака, и не понял зачем эти неверные, обмотав веревками, потащили его ишака вверх, если рядом огромная пещера, с прекрасным входом и выходом – одновременно, которая общается со старым колодцем, бывшей сторожевой башни. Плюнул три раза на дорогу, что осквернили гяуры, и пошел искать, сбежавшего осла дальше.

– Нехороший человек-редиска, сказал Михалыч, раз от него постоянно ослы сбегают.

Потом он нашел меня:

– Пойдем Немого искать, про него видно все забыли, а что парня пять дней в обойме нет...

Я пообещала, что Немой вернется сам, к вечеру. Михайлыч поверил. И Немой пришел, веселый, посвежевший. А во вторник прилетела вертушка, со сменой учителей и инструкторов. Они отличались тем, что учителя ходили в френчах тридцатых годов, в гимнастерках из чистого офицерского ЧШ, женщинам к френчу, защитного цвета, прилагалась юбка, синего цвета, тоже ЧШ. Юбки были ниже колен, обмундирование было казенным и укорачиванию не подлежало. И то ли обмундирование на складах завалилось, а может Немой прикололся, но все это ЧШ, было заражено бельевой вошью, и учителям, ни днем, не ночью покоя не было, особо болезненно реагировали женщины. В учительском доме, на скале, и день и ночь горели костры, под котлами с проваренной одеждой. Кто-то из старших сумел прокрасться и бросить в котлы какую-то химию, и после этого, на уроках наши учителя, выглядели вполне современно - в варенках, с несвоевременно появляющимися дырами в разных местах. Михайлович их называл Хиппи.

Инструкторы менялись чаще, это были очень похожие друг на друга индивиды, круглоголовые, очкатые, с бледной кожей и пронзительными глазами. Каждый инструктор, был специалист в своей области, знания инструкторов были засекречены, с каждым подопечным они работали по индивидуальной программе. Главной отличительной особенностью инструкторов, были белые накрахмаленные халаты.

Инструктора между собой общались редко, не называли друг друга по имени отчеству и никогда-по званию. Вызывали нас по одному, проводили какие-то эксперименты, задавали вопросы, заставляли пить таблетки, что-то отмечали в многочисленных журналах. После этих визитов болела голова, присутствовала легкая тошнота и была такая усталость, как после сто пятьдесят километрового марш броска. Правда младшей обойме таких нагрузок никто не давал, ограничивали, пятидесятью километрами пробежки, в течение одних суток, зато в любое время. Иногда досыпать уже на бегу приходилось. Инструкторов не любили все, Михайлович старался их избегать, только кривился, когда с обоймы кого вызывали. Но видно на верху кто-то, чего-то поменял. Инструктора приехали все новые, в штормовках и кедах, громко смеялись, обсуждали какого-то Горбачева, были больше похожи на людей. Белые халаты остались, а вот круглоголовости и химии по уменьшилось. Журналы с секретными записями, эпюрами и графиками как-то незаметно ушли, в такие же секретные архивы. Началось живое общение, обучение специальным военным программам.

– Детство кончилось: – изрек Михайлович.

Среди этой когорты специалистов, и появился Чавось, что он показал Немому, как повлиял, бог один знает, но наш товарищ ни на шаг не отступал от инструктора, любое свободное время он бежал к Чавосю. Эту странную кличку ему дали за то, что при любом диалоге он, как в такт, так и против

шерсти, применял это паразитическое «чавось». В любом выражении, этих «чавось» у него было больше других слов. Чавось полностью забрал Немого, даже учителя последнее время меньше чесаться начали. Михалыч сначала злился, из-за отсутствия Немого на проверках, потом его Чавось вызвал к себе и Михалыч успокоился, тем более, что утром, восьмой всегда был на месте. Каждый раз я пыталась дождаться Немого, но повышенные физические нагрузки делали свое дело, и я засыпала мертвым сном, только коснувшись подушки. Однажды я проснулась раньше подъема, напротив на кровати сидел Немой.

– Доброе утро – я услышала чей-то чужой голос.

От неожиданности я вздрогнула, оглянулась, никого не было, все спали.

Тогда я посмотрела на Немого – сейчас это... ты сказал?

Немой заулыбался, что-то довольно проурчал, как мартовский кот. Прижал палец к губам, а в моей голове, как набат:

– Ура! Получилось!

Так я впервые столкнулась с телепатией. Это надо было переварить. Но некогда. Обойма, подъем! Новый день начался с неожиданности.

Мы, как-то, не воспринимали политинформации, просто

отрубались, спали с открытыми глазами, бессмысленно уставившись в огромные карты, висевшие на всю стену. Михайлович, обязанный присутствовать, по уставу, на политинформациях, тот вообще игнорировал замполита, опустив поседевшую голову на руки, сложенные по-ученически одна на другой, дрых за последней партой. Голос замполита доносился все глуше и глуше, сам же замполит все чаще бегал за дверь, хлебнуть из заветной фляги и занюхать потертым рукавом капитанского мундира. Старших все чаще стали отправлять в командировки. Возвращались не все, кто-то оставался в госпиталях, с последующим списанием с воинской службы. Хорошо если кому достанутся лейтенантские погоны за особые заслуги. А некоторых просто не стало, как будто и не было их никогда. А те, что вернулись, стали как-то старше, поджаристей, на загорелых лицах двадцати летних парней появились ранние морщины жестокости, у некоторых волосы серебрились белыми прядями, по малочисленным праздникам они одевали медали, ставили рюмки на стол, наливали водку, накрывали хлебом. И... Командиры делали вид, что не замечали нарушений. На праздники всегда вертушка выкидывала ответственного из золотопогонников, которого на скале доводили до кондиции, что он при всем желании не мог доползти до лифтовой шахты. Скоро экзамены, – подумал Михайлович, – выпуск будет ранним. Как в воду смотрел. Через месяц объявили подготовку к экзамену. Боевая и техническая подготовка, полит подготов-

ка и полный набор на любой вкус и выбор. Иностранцев наблюдателей не ожидается. Но и как местная изюминка-выпускные обоймы против младших обойм, к младшим так же относили следующий выпуск. Младшим разрешено все (в разумных пределах). Силы явно неравны, против четырёх обойм выпускников, шестнадцать младших. В том числе и наша восьмерка, без Мальвины. Нет никого, не учителей, не воспитателей, сплошная самоорганизация. Зато из наблюдателей целых пять генералов, два из них в штатском, даже один член военного совета. Задание выпускникам и нам выдадут в письменном виде, за два часа до операции. Перед этим была какая-то медицинская комиссия, на следующий день нашу обойму разделили. Девочек переселили в ленинскую комнату, разделив ее пополам, по жребью мне досталась комната с Мальвиной, три оставшиеся девочки заняли другую комнату. Ребята остались в казарме. У каждого была персональная кровать, тумбочка для личных вещей и предметов санитарной гигиены, а также маленький участок стены, вне уставного иконостаса, личный, вешай что хочешь. Я повесила маленького медвежонка, мой талисман, что Михайлович мне подарил на пятилетие. У Михайловича было день рождение, ему в шутку подарили оленьи рога. А я спросила, когда мое день рождение.

– Как я забыл? Сегодня.

Торжественно произнес воспитатель, и я тебе дарю талисман, я открыла глаза, а в руке лежал маленький пушистый

мишка. Я растеряно посмотрела под ноги и спросила Михайловича:

– Где талисман?

Михалыч улыбнулся в свои, тогда еще черные усы:

– Мишку зовут талисман.

С тех пор я и веду свое лето исчисление. Прошло семь зим, как один день. В этом году мне исполнится двенадцать лет. Наша обойма, мы все ровесники, наверное, плюс минус пару месяцев. И мой талисман занял свое законное место.

Четвертой в нашей обойме была Стерва. Девочка долго жила, как по инструкции, строго по уставу, лишних вопросов не задавала, отвечала коротко лаконично, даже в одежде, во внешнем виде не было ничего лишнего. Выстругана, как доска, без сучка и задоринки. Любую команду выполняла молча, без лишних вопросов. Так надо. Может у нее и не было особого дара, но она компенсировала все своей работоспособностью и исполнительностью, кстати, помешена была на физической подготовке и на боевой. Она так бы и ходила у нас четвертой, если бы не мистер случай. Как-то по осени прилетел к нам проверяющий, и задача перед ним стояла, видимо очернить наш учебный центр вчистую, все жестко упиралось в деньги. Тут Афганистан, тут Чернобыль, а финансирование не резиновое. И захотелось ему предста-

вить нас, как детский дом, с особыми полномочиями, живущий за счет государства припеваючи, на кавказском курорте. И все у него получалось документально. В ежедневных пятидесятикилометровых наших пробежках он не участвовал, но захотелось ему посмотреть, как в этом пионерлагере готовят суперсолдат, да и попозировать тоже, как никак мастер спорта по боевому единоборству. Короче, гора мышц и запрограммированная логарифмическая линейка, вместо мозгов. Захотелось ему посетить наш тренировочный полигон. Как раз, старшие, вернувшиеся с командировки, отрабатывали движение парами, с выносом раненого с поля боя и отражение атаки вражеской ДРГ. Он и здесь постарался внести свои коррективы в учебный процесс инструкторов. Высмеяв деревянные накладки на бронниках ДРГ и неумение работать ножами на расстоянии. Инструктору было наплевать на амбиции штабиста, разные ведомства. Вот и зацепились. Сошлись на том, что проверяющему предоставят самого лучшего метальщика ножей и всего, что летает и втыкается. Пришел посыльный и забрал четвертую на полигон, прямо с занятий. Ей дали стандартный набор финок, пару каких-то японских штукювин, пару тупых вилок и консервный нож. В общем дали всю дребедень, что попала под руку. Определили дистанцию, назначили мишени, и иди девочка работай. Четвертая прошла дистанцию за считанные секунды, поразив все мишени на отлично, проверяющий сам пытался выковырять вилку из фанерной мишени. Однако

его поразила способность десятилетнего ребенка. Натренировать можно и курицу на фортепьяно играть, а пусть она по живому отработает, взбрыкнул проверяющий, и одел на себя каску и бронник, снятый с солдата. Стал напротив мишени попросил его по периметру утыкать ножами, под его ответственность. Мол сосунки, а в русскую рулетку вам слабо? Четвертая улыбнулась, и с пятнадцати метров высадила весь набор ножей, последних пять засадила в промежность, где у мужиков ширинка заканчивается. Такого пронзительного визга полигон наверно никогда не услышит:

– Ну ты и Стерва!

Горное эхо долго еще повторяло новое погоняло нашей четвертой. Я не помню, как появилась в обойме, не помню ничего, да и мало из нас кто, что-то помнит, может только что Цыган, да и тот больше фантазирует. Не понятно, по какому принципу работают селекционеры, круглоголовые, но что к нам попасть не просто, это даже мне понятно. Михайлович, тот вообще не задается подобными вопросами, в его понятии, ребенок-это чистый лист, бери и лепи из него, что хочю. Михайлович тех людей, которые находили нас и привозили в лагерь, называл (Компрачикосами). В каждом из нас они находили, какое-то зерно, называемое божьим даром. Считалось, что под чутким руководством, этот дар можно было развить до невероятных размеров, чем и занимались инструктора. Замполит, учителя, воспитатели – это были прилагательными в системе обучения. Те, кто прилетал

на вертушках, для нас были как небожители; они принимали экзамены, проводили смотры, награждали и выдавали погоны выпускникам, их мы видели очень редко. Когда я впервые увидела генерала в парадной форме, с золотыми погонами, в изумрудном кителе, я подумала, что это переодетый дед мороз из букваря сбежал, стояла с открытым ртом, забыла даже зачем и куда меня воспитатель послал. Мы уже два года месили ногами кавказскую землю (если эту каменистую почву можно назвать землей), когда в очередной вертушке, к нам в обойму, привезли лопоухое, несуразно улыбающееся пополнение. В котором был своеобразный шарм: новичок был, ну очень упитанный, с огромным синяком под глазом и в больших бабушкиных очках, с треснувшим стеклом. Как-то, он совсем не вязался с нашим усиленно спортивным образом жизни. Круглоголовые взяли это улыбчивое создание в оборот и заперли в карантин. Новость была неопиcуемая, после отбоя обойма гудела как улей, каких только кличек не давали новичку, он подходил под все. Вражды к прибывшему не было, вернее неприязни, просто он настолько был непохож на сверстников, что казалось и места ему в нашей обойме нет. Какой-то рыхлый, но, судя по синяку и разбитым очкам, характерный. После отбоя начался детский тотализатор, на щелчки. На каком километре марш-броска новичок «сдохнет»? Тем для тотализатора хватало. Мучительно стоял вопрос, как называть это чудо. К нему подходило любое название, как обидное, так и нейтральное. Я старшая, мне решать.

«Шестой», – сказала я, и все промолчали. В нашей обойме никто не хотел быть шестым, с этим номером существовало какое-то поверье, что-то неприятное, отталкивающее. Да и кандидат был таким. Шестого из карантина не выпускали, несколько раз возили куда-то на вертушке. Мы уже грехом подумали, что вечно будет вакантен шестой номер в обойме. Подумаешь, ошиблись круглоголовые, с кем не бывает. Хотя не было случая, чтобы кого возвращали с нашей системы. Тогда бы и бежать не надо было, включил тупого и ай – ля – ля. Только тут эти номера не проходят. На третий месяц, шестого представили на вечерней проверке. Оказывается, у него не только фамилия была, но даже и имя. Правда нам это ничего не говорило. Михайлович назвал его Костей. Очков у этой Кости не было, вместо очков кровавые глаза, как у вампира. Оказывается, Кости делали коррекцию зрения, какую-то операцию на глазах и от марш-бросков, от физических нагрузок, эта Кость была освобождена до заживления, с последующим внимательным контролем за глазным давлением. Плакали наши щелчки. Мы –семи-восемилетние дети стояли в шеренге и молча завидовали новичку, любой бы из нас, что- ни будь бы скорректировали, чтобы хоть немного побездельничать, а не бежать по утрам, уже наевшим оскомину маршрутом, где знаком каждый камень, если случайно на тропе встретишь змею или напугаешь молодого шакала, это уже событие. Даже во сне снится.

Пока шеренга стояла смиренно и слушала, как Михайлович представлял новичка, это красноглазое создание, стоя на одной ноге и ковыряя носком другой ноги бетонный пол выдало фразу, от которой у Цыгана, представляющего в минуты вынужденного безделья волшебного сказочного коня, лицо вытянулось, и в нем что-то появилось лошадиное, на ближайший пол час. Михайлович потерял дар речи, усы дергались как у таракана, а на лбу появилась испарина.

– Дурная вода, говорил Михайлович.

Остальные были в таком ауте, просто вакуум головного мозга. Мы все забыли зачем собрались. Я потом попросила напомнить мне эти слова, чтобы записать и запомнить. Я до сих пор не могу въехать, к чему он это сказал? Да и сейчас не могу этого представить.

Он, стоя лицом, к обойме, сказал:

– «Интеграл-это сумма пределов.»

Больше Костюю мы его не называли, он сам себя назвал. К Интегралу поначалу отношение курсантов обоймы было неоднозначно натянутое, он всех раздражал своими многочисленными вопросами, что от одного его присутствия, становилось не комфортно. Он чем-то напоминал человека, который всеми способами напрашивается на дружбу, старается показаться сверх меры хорошим, своего рода один герой Гайдаровский. Все пытается из каждого выпытать, какую-то личную тайну. Но больше всего раздражало, что он знал и

применял слова, которых мы никогда не слышали, а некоторые, даже учителей ставили в стопор. Только с Немым они нашли общий язык, в прямом смысле:

– Интеграл за считанные часы овладел языком жестов, и у Немого появился собеседник, они иногда часами разговаривали между собой, тайком, на уроках, без опаски быть записанными в кондуит.

Мне иногда казалось, что на многие выходки Немого, Интеграл оказывал влияние. И если наказывали Немого, то я лично втык давала Интегралу. Нас гоняли, как скотину по кабинетам, у Интеграла был персональный инструктор, который не менялся, а прилетал, когда хотел, в любую смену. Какие проблемы они решали, о чем говорили, к чему готовили восьмилетнего подопечного, история не разглашает. Прошло немало времени, пока все привыкли к новичку. Тяжелее всего было мне, он как-то подчинялся моим приказам, но как будто делал одолжение. Я со временем смирилась с его природной ленью, и лишний раз старалась не трогать. Так он для меня и запомнился, пятнадцатилетний полноватый паренек, ни разу не пробежавший марш бросок в полном объеме, за все время обучения, который больше десяти раз не мог отжаться от пола, а турник для него это была пытка инквизиторов. Вертушку, в которой находился Интеграл, сбили ракетой, над территорией, еще тогда, Советского Таджикистана. Какими знаниями, какими способностями владел пятнадцатилетний паренек, что без него не могли что-то ре-

шить в Афганистане? Говорят, что он был самым молодым из Героев Советского Союза в Афганской войне. Памятную доску еще успели установить на входе нашей школы, до развала СССР.

Глава 2

Гораздо позже, переписываясь по интернету с Немым, я узнала более подробно о характере, об увлечениях Интеграла, даже о его первой юношеской любви. Но самое главное я узнала о его даре, от Немого у Интеграла не было секретов. Мать у Кости была болгарка, с русскими корнями, отец-серб. Отец работал водителем, при сербском посольстве, мать преподавала в школе. Костю, в пятилетнем возрасте, отдали в физико-математическую школу, с трех лет он свободно говорил на трех языках, это и стало его пропускным баллом в элитной, по тем временам, школе, да и с математикой он был в ладах. Семья Кости была не из бедных, даже гувернантка имелась. Единственное, что не ладил он с тупыми детьми дипломатов, считавшим его черню, старавшиеся зацепить за любую мелочь. Больше всего доставал сын посла. Костя в туалете ему устроил взбучку. Отца чуть не выгнали с работы. Драчуну дали трепку и пообещали наказать. Мать с отцом уехали в отпуск в Сербию, сына оставили на гувернантку. Уезжали на десять дней, не вернулись никогда. Маши-

ну нашли в сорока километрах от Косова и только фрагменты тел, остальное растянули животные. Прошло некоторое время, необходимое для опознания, похороны состоялись за счет посольства. А мальчик Костя Зварыч, он пропал, набил опять морду посольскому сынку и исчез. В милицию никто не обращался, нет человека, нет проблем. Свободная жизнь для беглеца, правда, не долго была. У круглоголовых, свои методы и свои сети. Его вычислили очень быстро, правда поиск вели по шестнадцати областям и это только в Союзе. Откуда у Немого эта информация, без понятия. Немой из нашей обоймы чуть ли не единственный, кто остался в системе. Хотя мне дуре под сорок, а я все настороженно жду звонка в дверь. Система никого не списывает, из нее выйти нельзя. Меня готовили для того, чтобы в любой момент я смогла отстоять интересы Родины, в любом месте, на доверенном мне плацдарме. Присяга-это святое...что-то Цыган вспомнился. Так Интеграл попал к нам. Забыла сказать, что это мы непонятные, а с Интегралом круглоголовые, от имени правительства и государства, заключили контракт. По которому Константину Зварычу полагалось..... Я тоже не верила, что был заключен контракт с восьмилетним ребенком, и это в советские времена. Я держала в руках этот контракт. Он был составлен на двух языках, на русском и сербском, на контракте присутствовали подписи двух министров: обороны и иностранных дел. Интеграл все же был иностранцем. Мне кажется, что где-то в горах или под пустыней у круглоголо-

вых есть отдел ясновидцев, людей видящих будущее. Из нас же пытаются сделать берсерков! Чавось умер два года назад, все свое оставив Немому. Семьи у него не было, похороны за счет конторы, дневники ушли к круглоголовым, которые ухитрились повесить на Немого очередную подписку и строго предупредили, что если удастся обнаружить какие-нибудь записи покойного, то добро пожаловать, ну вы знаете куда... Только много лет спустя, Немой признался мне, что перед смертью Чавось дал посмотреть видео, которое потом стер, или оно само стерлось. Это была последняя встреча ученика и учителя. Только вот Немой ничего не помнит, что было на кассете, есть такой фокус у круглоголовых, запрут к вам в башку уйму секретной информации, и ходишь живым сейфом, пока при определенных обстоятельствах, ларчик не вскрыется.

– Время не пришло, сказал бы Михалыч.

Про видео Немой промолчал, знал, что одиночкой не отделался бы. Потом мы как-то, как бы невзначай встретились в Ленинграде (язык не поворачивается выговаривать новое название). Муж устроил истерику, какой-то местечковый психоз, резко взял отпуск на работе, пришлось брать с собой. Встреча с другом детства происходила при свечах... Шучу конечно. В этом году в Ленинграде лето было дождливым, но клянусь Эрмитажем, за все существование этого города, во все года, лето всегда было дождливым и если на «Лесной», рядом со студ. городком светило солнце, то над

Черной речкой лил дождь, а над Чистыми прудами нависли грязные снеговые тучи. Муж впервые был в Ленинграде и его сцены ревности скорее походили на попытку побывать в этом неподражаемом по красоте городе. Тем более, что северная столица, в своем постперестроечном макияже, выглядела обалденно, особенно по вечерам. Весь город светился разноцветными огнями, особо красиво смотрелась набережная, в парках на деревьях висели гирлянды, так и хочется их сравнить с аксельбантами демобилизованных десантников (чувствуется казарменное воспитание). У мужа голова вертелась в разные стороны, рот не закрывался. Он попросил описать моего друга, вертел головой, вроде искал его, а сам пасся глазами на полуобнаженных девиц... Кобель... В то же время, и я ловила на себе изучающие и восторженные взгляды. Мелочь, но приятно... Немого я не искала. Сам найдет. Да и изменился он, наверное, тоже как я, постарел, растолстел. Второй час, мы с мужем ходили по набережной, честно сказать, я уже замерзла, дождик кончился не начавшись, но от Невы несло сыростью, от мраморных парапетов тянуло прохладой. Легко одетый муж зашмыгал носом. И бедолага, всем своим видом пытался показать, что сейчас бы в гостиницу, теплый душ, халат, тапочки и друг настоящего мужика-телевизор. Я пожалела свое сокровище, последний раз оглянулась вдоль набережной... И вдруг резкий ментальный удар, тело ослабело, и я бы упала, если бы муж не подхватил меня, увидев резкие изменения в состоянии моего организ-

ма.

– Извини, – в голове прозвучал голос, я так и не успел подготовить тебя к менталу.

– Я попробую по тише. Втора, ты как?

Голова перестала кружиться, муж отвоевал у молодежи лавочку, усадил меня и начал хлопотать, даже, достав мобильник, пытался вызвать такси. Я улыбнулась, он никогда бы этого не сделал, в нашей семье такси вызывала только я. Прошло куча действий, а для меня время замедлилось.

– Немой, скотина, ты без своих приколов не можешь!

Со стороны казалось, что женщина, с помощью заботливого мужа отходит от обморока, пошёл обрат, виски опять сдавило, слабая пульсирующая боль прошла от головы, по позвоночнику, до пяток.

– Немой, убью! выдохнула я.

– Есть контакт!

Голос был порядком слабее, и голова не разваливалась на части, из моих глаз посыпались разноцветные искорки, превращающиеся в россыпи пахнущих роз.

– Ты без своих чудачеств не можешь.

А в душе было приятно, сразу вспомнилось детство, только раньше иллюзия запаха видимо у друга не получалась. Не помню. За это время я не сказала ни слова, надо было срочно успокоить мужа.

– Подожди,-попросила я Немого.

Володя, успокойся, мне уже легче, голова закружилась,

видимо от кислорода, такое бывает возле реки. Давай посидим немного, я обняла мужа за руку, от него повеяло таким теплом... Как от шиншиллы, подумала я, и в ответ услышала знакомый ехидный смех.

– А ты гад, не подслушивай, – это уже я мысленно Немо-му.

– Втора, ты извини, что долго, второй час кружу, не могу оторваться, прицепилось два хвоста, как репей.

– Враги?

– Да нет, смежники, в некотором смысле конкуренты, на одну контору работаем. А вот они за собой журналиста тянут, это уже лишнее. Я наберу номер, оставлю мобильник, а ты скажи, чтоб убрали хвосты с набережной, да и про журналиста шепни.

– Хорошо, мобильник где?

– Да под твоей сумкой.

– Клянусь табором, восьмой, ты меня достал...

Я слезливо попросилась у мужа в туалет, передала привет конторе, предварительно изменив голос и утопила ответ дежурного в туалете. Мочить, так мочить, как говорит тезка моего мужа.

– Полный порядок Втора, сейчас к причалу подойдет прогулочный катер, там и встретимся.

На набережную я вышла вся посвежевшая, похорошевшая, даже настроение от этой шпиономании улучшилось. Если бы не знала насколько это серьезно, то подумала, что

это очередные выходки Немого. Вскоре подошел катер, и я потащила ничего не понимающего мужа, благо свободных мест хватало, чтоб он особо не возмутился, я купила ему его любимую «Балтику», тройку, попросила слегка подогреть, чтоб не простыло чадо. Немой сидел через три столика, в пол оборота к нам. В ментале прошел запрет:

– Не подходи. Поговорим на расстоянии. Так надо.

Я поняла, что он больше беспокоился за меня. Я молча с любовью смотрела в глаза мужа, изредка улыбалась, смотрела, как он медленно, мелкими глотками, поглощает пиво, получая эгоистично мужское удовольствие. Если бы он зараза в другом месте это удовольствие применил. Немой за столом согнулся пополам. Ну, гад!

– Здравствуй, Втора. Больше тридцати лет прошло, а ты не изменилась.

А у меня перед глазами стояла сценка из Семнадцати мгновений весны, когда Штирлицу после долгой разлуки жене на расстоянии показывают. Немой тут же мне подыграл мелодией к возникшей в моей памяти сценке. Взял и изменил картинку, написал транспарант

– Встреча друзей детства через тридцать лет.

Я заулыбалась:

– Ты меня особо не смей, а то, не правильно поймут без повода хохочущую женщину, муж меня первым в психичку определит, а я еще кусаться могу...

Теперь уже улыбался Немой. Мы долго еще говорили, ни

о чем, вспоминали горы, нам просто было хорошо и уютно на этом маленьком закрытом в прозрачный пластик катере. Немой тяжело вздохнул, я в ментале увидела через его боль, его жену, изнасилованную и замученную чеченцами во время второй войны, его дочь, спасенную шаманом от кори, Интеграла в падающих горящих фрагментах вертолета. Стареем. Скупая слеза скатилась по моим щекам. Я достала платочек, якобы припудрить нос. Михалыч бы сказал:

– Дурная вода.

– Кстати, сегодня день рождение у Интеграла, – продолжил молчаливый диалог друг.

Нонсенс-молчаливый диалог, никогда не думала, что такое возможно, правильно у нас с Немым, тайное общение. Скоро буду пить мокрую воду и закусывать вкусной безвкусицей.

– Мы тогда с тобой не договорили.

Интеграл дружил только, с тобою, с остальными он общался, по мере необходимости, меня просто терпел, вечно увиливал от всех поручений. Что было в нем заложено такого, что после последнего выпуска, его забрали в Афганистан? Немой задумался, как ответить, чтобы не сболтнуть лишнего.

– Понимаешь, это не просто. Я много говорил с Чавосем по этому поводу. Во-первых, у него была правильная кличка, и он сам ее себе дал. Он мыслил не объектами, не отдельными словами или действиями, он не видел логики в бес-

смысленном переворачивании земли, для накачки мышечной массы. За время учебы он успел нарастить мускулы мозга. Он видел мир не как мы. Он видел мир объемами. Он мог закончить и успел закончить войну. За это его Американцы и убили на советской территории, руками исламских террористов. Через годы я их вычислил и обнулil, отомстил за Интеграла. Да будет земля ему пухом!

Наш катерок закончил свой прогулочный вояж, муж допил пиво. Пора прощаться. До встречи в интернете, жаль, что там не о всем можно говорить.

– Ты, это, Немой не пропадай. Вдруг что, заходи...

Словами мультяшного волка, я попрощалась с другом. Вскоре подъехало, вызванное мной, такси и... в объятия гостиницы. Теплый душ. А вы замечали, что в каждой гостинице, халаты и полотенца, имеют свой особый неповторимый праздничный запах.

Началась подготовка к выпуску. Воспитатели штудировали командиров обойм. Михалыч загонял меня по картам. Не кстати на последней вертушке прилетела Мальвина, бледная худая, полностью потерявшая форму. Да еще у нее начались женские проблемы, что было пострашней пятидесяти километрового марша. Итак, что мы имеем: из девяти человек обоймы, три потенциальных трупа. Почему три, возмутилась

Гюрда. Одна два дня на постели воет, другой муравьев считает, а третьего нам никто не списывал. Гюрда ничего не поняла, но заткнулась, не став задавать лишних вопросов, она не любила, когда ее выставляют тупой дурочкой. Я не помню, когда попала в лагерь и как, но Гюрда уже здесь была. Мне кажется, что она была всегда. Михалыч меня просил, что с любым из обоймы у тебя может быть конфликт из-за неподчинения, в силу каких-нибудь детских капризов, только никогда не зли её. В свое время, солдаты спецназа, вырвали пятилетнего ребенка из рук озверевшей толпы азербайджанцев. Никто не помнит, кто был у руля, то ли Андропов, то ли Черненко, но уже давление на СССР со стороны запада оказывалось. Со стороны Турции массово, по религиозным каналам проникала на Кавказ литература разного содержания. Способов воздействия на массы было множество и все они использовались. Один из самых грязных способов была организация самосудов неграмотными, шовинистически настроенными националистами, самосуды жестоко подавлялись советской властью, тем самым рождая, еще большую ненависть к неверным. Было массово организовано несколько таких банд, которые на деньги эмиссаров из-за рубежа, обкурившись наркотика, творили такие зверства, что у Чикатило бы, ангельские крылышки выросли. Муллы от верхнего духовенства получили наказ не агитировать на войну против неверных, но и не отговаривать, не приветствовать убийства неверных, но и не осуждать. Наказ был понят пра-

вильно. Шла негласная война против иноверцев. Жесточайшая резня. В одном из районов Азербайджана, недалеко от Чуху юрта, был вырезан хутор молокан, молодыми жителями близлежащего кишлака. Целую неделю обкуренные бандиты насильовали женщин, пресытившись, вспарывали им животы, отрезали груди. Мужчин и мальчиков убили в первую же ночь, расчлененные тела, бросили в рядом протекающую горную речку. По ночам курили травку и пили водку, ночью можно все, Аллах не видит. В живых осталась маленькая девочка, спрятавшаяся в собачьей будке. Никто не знает, что она ела, и как в ее руках оказалась опасная бритва, но она, за одну ночь, вырезала восемнадцать пьяных и обкуренных бандитов, перерезав всем сонные артерии. На следующий день остатки банды, забрав мертвых, с ужасом умчались в родной кишлак. Старые охотники пришли смотреть следы, было море крови и отпечатки маленьких ног, тоже кровавые, на дверях, на стекле были кровавые отпечатки рук. Шайтан, – вынесли вердикт охотники, позвали муллу, он совершил обряд, целый час что-то выискивая в Коране. Объявил молоканский хутор нечистым проклятым местом на пятьдесят лет, оставил какие-то надписи на арабском языке, нацарапав камнем на домах и удалился, запретив всякому смертному посещать это место. В кишлаке два дня стоял вой, местное кладбище сразу увеличилось на треть. Вскоре распространились слухи о резне, по берегам реки находили обгрызенные шакалами и лисами трупы. Появились солдаты,

прокуратура, следователи, партийное руководство, начались опросы, допросы. А на Кавказе милиция может допрашивать так, что ты признаешься даже в том, что еще не мог делать в ясельном периоде, при этом пол села записав в соучастники, и для лучшей достоверности, бить себя в грудь и кричать:

– Мамой клянусь!

Правда под влиянием партийного руководства, окончательно была принята версия Шайтана. Партийному руководству не нужен был скандал, пахнувший расовой дискриминацией, с последующим геноцидом русскоязычного населения на религиозной почве. Никакой резни, никогда, на земле Советского Азербайджана не было. Но только в одну из ночей, в горах нашли тела трех молодых пастухов. По характеру резанной раны старики сказали, что только гюрда оставляет такой след. Я поняла, что гюрда, это такая сабля, сделанная старыми мастерами, из булатной стали, что ее можно было носить вместо ремня на поясе и что с помощью гюрды можно было перерубить любую другую саблю. Гюрда была необычно острой и никогда не тупилась. Девочку случайно нашли, спящей в старом шалаше, женщины, собирающие хворост. Рядом нашли окровавленную опасную бритву. Потасили в кишлак, разорвали бы без всяких доказательств. Но солдаты вмешались.

Гюрда – это седьмой номер обоймы. Человек, на которого можно положиться. Настоящий солдат, Непрístupная скала обоймы. У Гюрды не было инструктора, и она тяготела к инструкторам по рукопашному бою. Ей нравились единоборства, а так как по малолетству она не могла принимать участия в спаррингах, то она с фанатским усердием впитывала все, что творилось в борцовском зале или на тренировочном полигоне. Она только и ждала, когда по программе, выходили старшие обоймы одна против другой. С десятилетнего возраста, нам по уставу ввели рукопашный бой. На первом же занятии Интеграл побегал к врачу, проверять глазное давление. А Немой напросился очередной раз на отдых в пещеру, выставив против тренера по рукопашному бою иллюзию – наполовину таракана, наполовину бегемота, при этом чудовище абсолютно победило инструктора, положив его на лопатки. Я слышала, как инструктор жаловался Михайловичу:

– Я не знаю, как он это делает, но я, как кукла марионетка в его руках, у меня отказывают повиноваться мышцы, голова, я становлюсь безвольным и слабым, а тело мое, как холодец. Ваш воспитанник неуправляем, буду перед руководством ставить вопрос об его отчислении.

Михалыч внимательно с сочувствием выслушал инспектора, а когда тот ушел, улыбнулся задумчиво в черные усы: – Хрена тебе в твоём холодце не хватает. Будет тебе хрен. Подозвал Немого и тот пошел сдаваться на гауптвахту

сам, на трое суток, за неуважение к командному составу. По такой статье, в военное время, Немому бы грозила вышка. Расстреляли бы на хрен. А мне теперь три дня бутерброды таскать. Немой любил время от времени отдыхать на гауптвахте. Издевался над старшими, как мог. Они ненавидели Немого люто, но ничего поделать не могли. Он то ос напустит, вроде иллюзионные, а кусаются, как настоящие. Потом с опухшими физиономиями в санчасти валяются. То пуганье какое ни будь устроит, то, кого ни будь в скунса превратит, и его вся казарма целую неделю гоняет чем попало, что под руки попадет. Попытались его раз проучить, темную во сне устроить, так он умудрился тренера по рукопашному бою на гауптвахту протащить и стоял в стороне, прикалывался, как старшая обойма тренера мутузит. Тот сначала ничего не понял, но потом такой ответ пошёл... Все бы ничего, с фантазией у Немого слабовато было, но тут у Немого дружок Интеграл появился. Тот ему такие идеи подкидывал, и они бы легко воплощались, только Немой в душе был добрым мальчиком и немного слушал меня и уважал Михайловича. С детства я слышала от него:

– Я хочу быть мужиком, как Михалыч.

А мне приходилось неоднократно ему вдалбливать, ну поставь себя на его место, и зачем ты это сделал, ты что-садишь и тебе нравится, что человеку больно. И с Интегралом приходилось ругаться из-за Немого, но этот умник всегда внимательно слушал, кивал головой в такт моим словам, как бы

соглашаясь со всем сказанным и молчал. Это он так изощренно издевался надо мной.

О девятой из нашей обоймы, это отдельный разговор, эта штучка похлеще Немого будет. Только одно, что у нее три персональных круглоголовых, уже ставит нас по разным полкам в таблице о рангах. Моя бы воля, я бы таким людям, как Медуза, заклеивала рот скотчем и запрещала открывать даже во время еды. Полная ее кличка Горгона-Медуза, в обойме сократили погоняло до Медуза, только суть от этого не меняется. Змей правда в голове не было, но каждый, хоть немного пообщавшийся с ней, превращался в «камень», иллюзионно конечно, но только эту иллюзию не мог никто снять, ни экстрасенсы, не гипнотизеры, ни шаманы, не Немой, да и она сама не всегда. Три ее круглоголовых наставника, всегда и на всех уровнях, ее яростно защищали:

– Девочка только учится, есть сдвиги, наблюдается прогресс.

Весь этот прогресс был в том, что ее всунули в нашу обойму и с трудом оградили нас от яда. Михалыч полгода овощем провалялся, постоянно крестится, когда вспоминает, как через трубочку кормили, а как хотелось водочки. С Медузой не хотел сталкиваться никто, она всем внушала панический страх, ей нравилось, когда ее боялись, она как могла поддерживала этот имидж. Только на Интеграла, почему-то не действовало ее колдовство, он мог часами болтать с Медузой, не сводя влюбленных очей, с ее обаятельного личика, с зелены-

ми огромными глазами. Он был без ума от ее платиновых волос, от длинных природных густых ресниц, её голос для него, звучал завораживающе, хотя для любого смертного, в шипенье змеи, найдется больше облагораживающих звуков. Процесс обучения, любые действия, касающиеся Медузы, велись инструкторами и учителями через Интеграла. Все три инструктора, работающие по индивидуальному плану с Медузой, были, как инопланетяне-на одно лицо. Вместо халатов, они носили какие-то балахоны из сероватой материи, у каждого в руках присутствовали чётки, как какой-то неизменно священный атрибут. Они всегда ходили вместе, ни с кем не общались. Смотрели на все и на всех надменно, свысока. Интеграл, наш полиглот, говорил, что между собой это трио общается, либо на идише, либо на иврите. Красиво, но ничего не понять. У Медузы начались отклонения переходного возраста, я подозревала, что она несколько старше остальных курсантов нашей обоймы. У нее начинались непонятные истерики, она то краснела, то покрывалась прыщами. Два раза сбегала, потом сама же и возвращалась. Кто такую искать будет? Старшие молились, чтоб ее шакалы загрызли, такой ужас она им внушала. И это продолжалось уже целый месяц. За стенкой, в бывшей ленинской комнате был кошмар, Медуза по любому поводу устраивала скандал, кидалась в драку, несмотря на слабую физическую подготовку, дралась, как одержимая (хорошо хоть свой тайный арсенал не пыталась применить. Круглоголовые на данный период умудри-

лись наложить на нее табу, усмирив и обезоружив подопечную. Она как рыба билась об этот барьер, потом на недолго теряла сознание. Для нас это была маленькая сладкая передышка.)

– Не ту бабу вы назвали стервой! – Подвела итог сражения четвертая.

Мы невольно рассмеялись, сбросив напряженность. Эти гормональные войны начали порядком надоедать, мало того, что тренировочный процесс выматывал все силы, а от круглоголовых башка трещала, как с похмелья у Михайловича, тут еще эта бездельница. Интеграл в такие дни вообще боялся подходить к Медузе, на попытки общения с ним, краснел и убегал к своим муравейникам, он даже с Немым не общался, когда на Медузу находило. Дело принимало серьезный оборот, мы стали какими-то грубыми, несдержанными, хамили преподам, инструкторам, все чаще девочки стали попадать на гауптвахту, за неуважение и за, да пошли они все... Если честно, мы просто отдыхали от Медузы. Даже издевательства старших курсантов, оскорбления и грязные намеки нам казались грудой комплиментов, после бессонных ночей в казарме. Пришла очередь Цыгану и Немому нам пайки таскать. У Интеграла была маниакальная тяга к насекомым, к никому не виданной ночной живности. Сачок и бездельник. Он после отбоя просто пропадал. Ему пару часов сна хватало, для восстановления. И вообще, они с Медузой были два сапога пара. Оба, как окурки от плана.

Счастливая Мартышка, подумала я, валяется в больнице и в ус не дует, а тут пауков рассаживай по разным паутинам. А кому- ни будь ночью залазила под ночную рубашку жужелица? Многие даже не знают, что это такое и как выглядит. Интеграл как-то пошутил, легко пуганул Немого, так тот потом жаловался мне, что такое уродство, даже его мозг не в состоянии был придумать. С жужелицами господь явно перестарался. Наловить бы их целую коробку, и к Медузе под одеяло. К сожалению отпуска, всегда заканчиваются. Можно было провести кого угодно, но не Михайловича. Тот нас быстро раскусил, и вместо пещеры, заставил наматывать лишний круг на марш-броске. А он тоже был не подарок. Это был такой аппендикс дикой высокогорной степи (полупустыня фактически), насквозь прожигаемой солнцем. Вместо привычной тропы, был какой-то пархатый глинозем, весь редко покрытый колючими растениями, которые зеленели на маленьких пригорках, и казались мягкими и ласковыми. Со временем эти растения имели свойства высыхать, постоянный ветер их ломал и разносил большими шарами по округе, по расщелинам. В этом месте ветер был, как живой, при виде бегущей курсантки, он, с горячностью джигита, предлагал свой колючий подарок прям в лицо. Пытаешься уклониться, а ветер в этот момент, как специально, меняет направление. Хорошо, хоть дикобразы не летают. На вечер есть занятие-иглоукалывание, оно же вытаскивание этих острых иголок. (Муж любит целовать маленькие шрамы на моих ще-

ках, вот они и есть последствия прохождения лишнего круга в марш-броске.) Почва обильно утыкана норами тушканчиков, которые иногда проваливаются под ногой. Бедные ноги, сколько вывихов и растяжений вам пришлось испытать? Вот так и бежишь тупо, этот доп. круг, распугивая тушканчиков, которые врассыпную убегают от бегущего монстра, прыгая, как миниатюрные кенгуру. Говорят, тушканчики не подлежат одомашниванию, умирают, а жаль. Симпатичные зверьки. Нужно пробежать три диких оливковых дерева, с громаднейшими шипами в колючих ветках. Ягоды на этих деревьях безвкусные, как вата, да и покрыты они каким-то размазанным липким пухом. Добежав до ущелья разворачиваешься и загоняешь тушканчиков назад, к моменту, когда круг преодолен и аппендикс с тушканчиками остается за поворотом к белой скале, ты начинаешь медленно отсчитывать километры основного маршрута. Михайловича не проведешь. Медуза вечером не встала на построение. Лежала на кровати вниз животом и плакала. Михалыч присел на край кровати и с опаской погладил Медузу по голове.

–Мужика тебе надо,-вздыхнул глубоко воспитатель.

Медуза всхлипнула и замолкла. Вечером за ней пришел вертолет, троица круглоголовых забрала её, мы надеялись навсегда. Ага, ждите, размечтались! Интеграл загрустил, как-то осунулся, за последнее время он несколько подрос, похудел, загорел, его черные волосы и узкий нос с горбинкой выдавали в нем горного жителя (только каких гор?). Я из

чисто женского любопытства, добивала Немого насчет Интеграла и Медузы. А может это у них любовь? Немой на мои расспросы усердно мотал отрицательно головой и всем своим существом жестикулировал, что они друзья, просто друзья. Ах, друг ты мой восьмой, и почему ты не болгарин? В мозгах двенадцатилетней девочки, любовь, это было так романтично! Даже между Змеей и Пожирателем беременных комаров! Цыган заболел ветрянкой. В обойме объявили карантин. Подхватил он ее от одной из учительниц, протащившей инфекцию в лагерь. Все занятия и марш-броски отменяются! Целый месяц детского счастья! Цыгана отселили в лазарет, запретили с кем-либо общаться, на больничную тумбочку наложили кучу порошков и таблеток и оставили под присмотром пожилой женщины-бабы Дуси, которая жила на скале и числилась комендантом двух общежитий. Время от времени, прилетал врач, производил осмотр, мазал Цыгана каким-то розовым химикатом и особо долго не задерживался. От радости мы даже забыли про выпуск старшекурсников и полностью похерили подготовку к учениям. Наша обойма всегда была не полной, а сейчас вообще опустела. Цыгана нет, Медузы нет (хорошо, хоть Мальвина появилась, т.е. прибыла, как всегда поправлял Михалыч), а первого не было никогда. Из-за этого неуловимого гада я и тяну этот воз, постоянно получая взбучки. Мне оно надо?

Глава 3

Следующим заболел Михайлович. Без него в казарме стало вообще пусто, скучно. Еду нам приносили в одноразовой бумажной посуде, с такими же прессованными целлюлозными ложками, на которых был выдавлен тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год и знак качества, со стертыми буквами СССР. (Это было предзнаменование: – наверно мы Союз сожрали вместе с ложками, когда болели ветрянкой). В дальнейшей жизни мне нравилось болеть, я устраивала себе праздник обеда, могла, не жалея денег купить и съесть, хоть килограмм мороженого, чтобы вылечить слегка простуженное горло, а после дюжины бисквитных пирожных, у меня, пропадали все хрипы в горле и случалось чудо, бабушка выздоравливала, мои внуки были без ума. Столько радости и положительных эмоций я получала во время «болезни».

Михайловича, разукрашенного, как новогодняя елка, розово-зелеными шарами, отправили вертушкой в санчасть, которая находилась где-то под Насосной, то ли в Джорате, то ли в Джейрамбатане. На его замену в карантинный блок не прислали никого. Просто на ночь нас закрывали с наружи, а перед завтраком открывали. Еду оставляли перед входом, забирали мусор в бумажных мешках из-под цемента, повесили фанерку из-под мишени, с надписью –КАРАНТИН, и проштудировали, чтобы никуда не высовывались и ни с кем

не контактировали. Жизнь продолжалась. Мы были предоставлены сами себе. Я всегда сравнивала нашу обшарпанную со старшими. Все-таки, как-то, что-то не сходилось. Фактически этот лагерь в горах, с полигоном, стрельбищем являлся закрытым объектом, для подготовки спецподразделений, курсанты которых проходили отбор в суворовских и нахимовских училищах, решившие раз и безоговорочно связать судьбу с армией. Их гоняли, как сидоровых коз, из них делали элиту спецназа, командирский состав-будущее армии. У них не было круглоголовых, они жили отдельно в казармах. Подразделения между собой пересекались редко. Каждые четыре года выпускалось сорок новоиспеченных лейтенантов. Прием в группы, да и количество групп было строго ограничено. Из них к окончанию обучения специнструктора выкачивали все соки. (И когда мне потом говорили, что какой-то офицер стал porno звездой, а какой-то знаменитым культуристом, приводя в пример мужа Королевой, я думала, что не там ты километраж знаний и умений месил, и не там тебя самого месили. И так сойдет... говорил Вовка из тридевятого царства.) Наша обшарпанная, как-то не вписывалась в механизм штамповки спецподразделений. Да у нас был устав, да у нас была дисциплина, да мы несли определенные нагрузки, но все равно мы были детьми. У нас были круглоголовые, которых не было у старших (Зато у них были специнструктора, которых не было у нас. Зависть Гюрды.) Да и не у всех они были, у меня и Гюрды их никогда не было. Я се-

бя вообще считала уродиной (Смотрясь в зеркало, завидовала Медузе, завидовала даже веснушкам Мальвины, мне казалось, что все красавицы, обязательно должны быть рыжими и непременно с веснушками.), считала неудачницей и что меня по ошибке притащили в подразделение, из-за этого и поставили старшей над обоймой. Все талантливые, а ты бездарь, вот и командуй.

– Придёт первый, в туалете полы будешь мыть, это такое мне в лицо Медуза кинула, я хотела ее разорвать, но глаза наполнились слезами, я убежала в укромное место (У каждого из нас было свое укромное место).

Я долго думала и плакала. Мне казалось, что меня никогда никто не любил и никогда никто не полюбит. Самое главное, что я с детства вбила в голову, что мать меня бросила из-за того, что я родилась такой уродкой. В эту ночь, после построения, я сбежала. В третий раз, за пять лет, как говорил Михалыч. Оказывается, он подсчет негласный вел. Из нас всех не сбегал только Немой, он легко мог сделать так, чтоб от него все сбежали и оставили его в покое. А Цыган свои двухдневные отлучки не считал побегом, он всегда возвращался сам, приносил с собой кучу жизненной энергии и множество невероятных красивых историй. Мы на его сказках и выросли. (Я, когда эти «цыганские» сказки рассказывала детям, потом внукам, они и про сон забывали). Бегать мне долго не дали, вокруг горы, скалы, обрывы и никаких дорог. Один только Цыган нащупал тропу, но молчал как партизан.

К нам всегда все относились, как к детям (Медуза не в счет). Мы могли пролезть через колючую проволоку, подойти к охраняемым складам, пойти гулять на полигон с барьерами и препятствиями, бессовестным образом присутствовать при тренировочном процессе военных. Запрет распространялся только на стрельбище. Да и далеко оно было. Мне казалось, что нас специально здесь спрятали. Секретный объект, внутри секретного объекта. Это как бы добавляло значимости нашего существования. (Как оказалось позже, я недалеко была от истины, вернее я оказалась абсолютно права).

Через три недели в обойме появился Цыган. Карантин сняли. В отсутствие Михайловича, рекомендовали заняться самоподготовкой. Опять все на мои плечи:

– Физическая подготовка, уроки, режим, круглоголовые..., боевая подготовка (по желанию), самоподготовка и все по кругу.

Как-то незаметно Интеграл увлекся бегом, и показывал довольно приличные результаты. Видимо от избытка энергии, молодой организм требовал нагрузки. Михалыч явно задерживается, я уже была вся на нервах. Не получалось у меня бегать и следить за всем-то на уроки опоздаем, после остывшего завтрака, то после обеда круглоголовые за мной гурьбой бегают, в поисках своих подопечных, жалуясь, что я им срываю какой-то важный эксперимент. И услышав

долгожданный шум винтов военной вертушки, я облегченно вздохнула. Свою ошибку я поняла, когда увидела, что вместо Михайловича, из вертушки выпрыгнул маленький мужичок, с громадным рюкзаком, пригнулся под винтами и колобком покатился навстречу встречающим командирам.

– Что это за фрукт? – подумала я, Филиппок какой-то.

Но после того, как командир привел его к нашей казарме... Первый, ёкнуло сердце. Командир вытер пот с лица:

– Принимай пополнение, как там тебя?

Я подсказала – Вторая.

– Не разбираюсь я в вашей нумерации, но это, как его, ваш очередной – последний в вашей десятке.

– В обойме, – поправила я.

Но командир в сердцах, махнул зажатой в руке фуражкой, уже направлялся на выход, к двери. Обойма выстроилась сама, я тоже стала на свое место в строю.

– Воспитателя нет, поэтому представляйся сам, – предложила я колобку.

Он недоуменно потоптался, скинул рюкзак, в котором что-то загрохотало, пнул его для надежности.

– Я, это... – пробубнил под нос прибывший, – Никита.

Потом подошел к Немому, протянул руку:

– Никита – повторил колобок.

Немой механически поздоровался и посмотрел на меня. Я сообразила мгновенно вышла из строя, и представила каж-

дого члена обоймы, по кличкам (Имя было у Интеграла, но я и представила его, как Интеграла, он не обиделся. Остальные, в том числе и я, имен не имели). Вскоре на рюкзак полетела фуфайка, в которую был закутан новичок, потом три свитера, какие-то платки, подвязки, ватные брюки, спортивные, ленты, подтяжки и куча всякой дребедени, что настоящим мужикам таскать не положено. Вскоре перед нами предстало вполне нормальное человекообразное существо, лет двенадцати, только метр с кепкой. И не толстый совсем. Строй рассыпался, вся обойма умчалась по своим делам, а мне нельзя-я-я, вводи в курс дела новичка: спать будешь здесь, в тумбочке можно хранить..., подъем в пол седьмого..., твоё место в обойме № десять, туалет в конце коридора. И ответы на тысячу зачем и почему. Интеграл крутился рядом, потом не выдержал, подошел к новому и указывая пальцем на огромный рюкзак, спросил:

– Это что...? Это зачем?

– Лаборатория, – ответил новичок.

– Можешь сдать лишнюю одежду в склад тете Дусе.

Так закончив с наставлениями, этой фразой я закончила вводный инструктаж.

– В общем! Добро пожаловать! Располагайся.

Интеграл уже приспособлялся посмотреть лабораторию, но не тут то это было; Никита подскочил и закрыл рюкзак, как Матросов амбразуру, своей мощной грудью. Сразу признав меня старшей, он обратился ко мне, почти по уставу:

– Товарищ командир! Распорядитесь, чтобы мне выделили помещение, под лабораторию.

У меня отпала челюсть. Первым среагировал Интеграл, и нервно захихикав, выскочил на улицу. Я еще была в ауте.

– И чтобы это помещение было хорошо вентилируемое, желательно принудительная вентиляция, – добавил новенький.

– А ты не опух, а ты не обор...?

Слова застряли в моем горле. И тогда я поняла, что эта лаборатория у него будет.

– Хорошо, я вашу просьбу передам по инстанции, – холодно ответила я, и с тех пор к новичку обращалась только на Вы.

Пока Никита располагался и обживался, я через колючку, поперлась искать командира или дежурного по части. Услышав просьбу новичка, реакция командира совсем не отличалась от моей, только в более полном варианте

– А, он не опух...?

Но увидев перед собой двенадцатилетнюю девчонку, споткнулся на слове и закашлялся.

– Хорошо, примем к сведению, – ответил военный и я ретировалась в казарму.

Через два часа вертушка приперла личного инструктора Никиты. Это был кадр, который полностью разрушал весь институт власти круглоголовых. Во-первых, не признавал халатов, громко говорил, постоянно с кем-то ругался, всех

оскорблял, то кацапами, то москалями клятыми. Особо доставалось военным. Голова у него была побрита на лысо, а на самой верхушке длиннющий клочок волос, который он называл – оселедец. Ко мне же он почему-то обращался вежливо и зачастую, из уважения, переходил частично на русский язык.

– Дивчина, а где ты спрятала маленький кусочек дерьма, что себя называет Никитою?

Сам задавал вопрос, сам на него отвечал, сам же находил подопечного и за ухо тащил в контору. Никита давал отпор еще в казарме, в конторе шел непрерывный скандал, иногда от боли кричал Никита, но не поверите, больше орал инструктор. Этот мордобой продолжался часа два, потом инструктора под руки, фактически, тащили к вертушке двое старших, а Никита, прошмыгнув через дверь, всюсю наяривал к казарме. На лицах инспектора и подопечного светились довольные улыбки.

– Ну и шельмец, ну и сукин сын-восхищался учеником побитый инструктор.

Казак отходил целую неделю. Никита целую неделю занимался самоподготовкой, потом опять все повторялось. Уши у Никиты постоянно были красного цвета. Интеграл немного жалел новичка. Но Никита к инструктору отнесся с уважением, с каким – то глубоким почитанием.

– Он кто? – спросил Интеграл.

– Волхв. Последний Волхв – ответил новичок.

– А, за что это он так тебя? – показывая на уши, спросил Интеграл.

– Так надо, услышал в ответ. А что ты знаешь о берсерках? На вопрос о берсерках Интеграл не знал ничего. На следующий день группа старших курсантов освобождала каптерку – пристройку к казарме. Вертушка притащила вытяжку – электродвигатель с хреновиной, похожей на улитку. Вскоре, так тщательно охраняемый рюкзак уполз в новую лабораторию. Никита не игнорировал марш броски, бегать он любил, но в силу своей комплекции, постоянно отставал, был десятым всегда и везде. Все остальное свободное время он проводил в лаборатории, не допуская в нее никого. Цыган говорил, что старшие курсанты приносят к лаборатории трупы различных животных и даже на вертушке привозят покойников из морга. А Никита в лаборатории делает военную чупокабру. Вокруг новичка возник некий ореол таинственности, все на него смотрели с опаской, и с не прикрываемым любопытством. Мы между собой – шу, шу..., старались определить и окончательно приписать десятого в обойме, но он с таким ворохом достопримечательностей, как бракованный патрон, никак не хотел влезать в обойму. Одним не нравилось, что его называют по имени (Некоторым даже обидно было, мне тоже), другим его запах и таинственность (Когда жизнь меня немного помотала, я поняла, чем пахло (Вернее воняло) от десятого: он, его одежда, все чего он касался, надолго пропитывалось запахом формалина. Вонь, хуже уксу-

са.), третьим (Не будем пальцем показывать на Цыгана) эта вонючка совсем не нравилась.

/Таких в табор не принимают/-говорил Цыган.

Немому и Интегралу было все по барабану, но все же они отселили Никиту поближе к выходу. А тому даже удобно было, он с лаборатории всегда поздно по ночам возвращался, а иногда, только на построение прибегал. Одна особа, которая в данный период отсутствовала, говорила, что этот недоносок, хуже лентяя и за глаза, называла его лабораторной крысой. (А, еще они называют тебя земляным червяком). Мы привыкли обращаться друг к другу по кличкам, а к новичку никак, ничто не клеилось. Обращаться по имени – дико, непривычно; по номеру-как будто с вещью разговариваешь. (И был он никто, и звали его – никак. Такой вот Масленица пришел...) Не лепилась к нему кличка. Было такое ощущение, что мы все собаки, а он – человек. Сама себе, дура, накаркала, вспомнила Медузу... Прибегаем после марш-броска, а она в казарме обыск в своей тумбочке наводит; в комнате аромат такого парфюма, который эльфам не снился, а на голове такая прическа...! Что я почувствовала себя лысой. Она стояла в спортивном трико, очаровательно улыбалась, на губах была темно коричневая помада, на лице обалденный макияж, волосы, покрыты лаком, переливались на солнце. (Сразу вся Третьяковка вспомнилась: и «Не ждали», и «Грачи прилетели» и «персик в тарелке девочки обжоры»). Девчонки, без гипноза застыли, как каменные. И как это мы

вертушку прохлопали? (На пол, под наши ноги, стекала зависть. Образовалась уже приличная лужа.) Через прозрачную кофточку, просвечивался черный бюстгальтер, обхватывающий и подчеркивающий женское богатство. (Которое нам пока и не снилось. Я по инерции посмотрела на свои вздутости) У Медузы слегка раздались бедра, округлились плечи; и по всем признакам, перед нами была, уже сформировавшаяся девушка. Медуза была без ума, от произведенного на нас эффекта. Это был фурор, это был триумф... Это было что – то такое, о чем мечтает каждая девочка с рождения. Мы даже готовы были простить (И простили) все пакости и обиды, причинённые нам Медузой. Пол ночи мы завороженно слушали Медузу, про город Баку, про парк Кирова. Про девичью башню, про шашлык, торты, мороженное, халву, пахлаву и про много, много чего вкусного. Мы такого никогда даже не пробовали. На новый год, нам всем дарили одинаковые подарки со сладостями (от МВС, говорил Михалыч), в них были конфеты, пару мандаринок, один апельсин, и иногда сушеный инжир (Это уже местные добавляли). На стол подавали лимонад в стеклянных бутылках, с пузырьками. Это было счастье! Никто наверно не ждал Нового года, как мы. Но что это все можно было купить за деньги? ...Ночью мне снился Баку.

Медуза поменялась вся, характер тоже поменялся. Она всей своей взрослостью, всем своим видом отделилась от нас

окончательно. Стала спокойнее, добрей, расчетливее, терпимее к курсантам обоймы. Подчинялась только по инерции, вдумываясь в каждый приказ, как бы переваривая его в жерновах своих мозгов. А мозги у нее были. Она научилась контролировать свои способности. (А, что она могла вытворять в полном объеме, я узнавала из заголовков газет, читая между строк. Но многое мне рассказала Стерва, с которой мы случайно встретились, находясь в дипломатических представительствах разных государств, на одном из саммитов в ОАЭ.) У Медузы убрали двух инструкторов, вместо них появилась хрупкое очаровательное создание, неопределенного возраста, невысокого росточка, с немного вздернутым носиком, с чистым, всегда улыбающимся лицом, с томными, завораживающими большими, слегка раскосыми (кошачьими) глазами, которые при разговоре она всегда опускала стыдливо вниз, как бы отдавая полностью инициативу собеседнику. Обаяние в ней было везде. Даже в каждой складке белого халата, с вышитой группой крови на накладном кармане левой груди, чувствовалась такая скрытая сексуальность, что любое ее движение, вздох, взгляд, голос, ее чарующий голос..., под внешней иллюзией скромности и незащитности, рождали ощущение безграничного доверия и близости, побуждали собеседника к необдуманным поступкам, раскрывали его как консервную банку, возрождая в нем первобытные инстинкты, тем самым подготавливая его и подводя к необдуманным действиям. (Я не собираюсь утверждать, но

Моника Левински, прошла видимо школу этого инструктора. Я смотрела видеозаписи, и в одном из документов, в особой графе, отметила о замеченных, профессиональных тонкостях. Виден был почерк опытного инструктора.)

Михайловича выгрузили, как мешок картошки, с вертушки. Вернее, он вывалился сам. После того как вертушка отчалила, Михайловича подхватили два курсанта и поперли на пустую гауптвахту. Михалыч пытался разговаривать, смеялся, потом целую ночь пел нецензурные песни, которые толком никто не мог разобрать. Никогда не думала, что у Михайловича нет слуха. На утро его с помощью родниковой воды и какой-то матери, привели наконец в чувство, но видимо не до конца. По пути к казарме ему не посчастливилось встретиться с новым инструктором Медузы, столкнулся прямо у двери казармы

– А это что же, еще, проститутка? – возмутился воспитатель, и застыл камнем в последнем движении (чем-то напоминая ресторанный швейцар).

Опять командовать мне, подумала я. Марш-бросок был легким, мы быстро прошли его. До обеда еще было пол часа. Раньше времени не хотелось появляться, припашут. Я устроила длительный отдых, обойма расслабилась и все разбежались по своим делам, по лесу. Правда деревьев на маршру-

те было меньше, чем кустарников, но зато много камней, огромных валунов, на которых, грелись на солнце змеи. За время учебы мы привыкли к ним, да и они к нам. Змеи были разные, красивые и не очень, разноцветные и однотонные. Они нам настолько примелькались, что мы перестали их замечать. Мы знали, что они опасны, они знали, что мы не подарок. Змеи нас никогда не трогали, мы их просто игнорировали. Создался своеобразный паритет, который никогда не нарушался. Была полнейшая идиллия. Да, сейчас! У нас раньше не было десятого! Это чудо, наверное, никогда ничего о змеях не слышало, не видело, при виде пресмыкающихся у него как у трехлетнего ребенка, аж нос задергался, от нахлынувших эмоций. Не успела я оглянуться, как этот метр с кепкой, забрался на ближайший валун, где мирно грелись три огромных змеи. Все это сопровождалось такими звуками радости, как будто ребенок, нашел давно забытую, потерянную игрушку. И несмотря на предупреждающее шипение, на угрожающие змеиные атакующие позы, десятый обхватил их руками и начал вытворять со змеями то, что нормальному человеку, в кошмарном сне не приснится. Он их сворачивал, разворачивал, сжимал, связывал, перекручивал, растягивал рты, стравливал друг с другом, заталкивал хвосты змеям в глотку, при этом ухитрялся уклоняться от змеиных атак и постанывал, и тявкал, как молодой волчонок. Змеиный яд на камнях высох быстрее, чем этот оригинал наигрался. Бедные змеи, которым пол часа пресекали попытки смыться, испа-

рились мгновенно, кубарем свалившись с камня, как только почувствовали передышку. Собравшаяся обойма, слепилась в единую кучу, вокруг непонятно откуда взявшейся Медузы. По коже у всех бегали иллюзионные мурашки, с крокодила величиной.

– Что это было? – наконец вымолвила я, как в тумане услышав свой голос.

– Придурок! – сделала заключение Медуза.

Новичок благополучно спустился с валуна, и мы продолжили свой путь к казарме, все почему – то старались удалиться от этого, придурковатого Никиты. Он, как ни в чем, не бывало, медленно плелся за нами, как всегда под отстав, последним, десятым. И вдруг опять вой, громкие твякающие звуки в хвосте передвигающейся обоймы. Я испуганно оглянулась назад, выискивая на тропе замученных змей. Этот придурок крутился, как юла, танцевал, как припадочный, если эти немислимые прыжки можно было считать танцами, он нагибался, ползал по земле, и когда к нему вернулось что – то человеческое, заорал на все горы:

– Нашел! Я нашел! (Эврика, кричал Архимед. Эврика.)

Толпа, в которую превратилась обойма, опять сжалась вокруг Медузы. Мне показалось, что у платиновой красавицы, вместо волос, выросли драконьи гребни, и она из Медузы успела превратится в Горгону. Я с опаской подошла к десятому, на всякий случай, не приближаясь к нему близко. Он показал в руке какую – то маленькую круглую тусклую же-

лезку (Хотя я ожидала увидеть, что угодно, в крайнем случае, гранату без кольца. Надо попросить его сдерживать свои эмоции, а то еще пару таких выходов, и всю обойму по горам, как стадо баранов, искать придётся.)

– Нашел! Это Асс.

– Это что, переспросила я.

– Это Асс, древнеримская монета. Это будет лучшее в моей коллекции, придём, я покажу вам кляссеры.

Я отскочила на два метра.

– Не надо! Мы как – ни будь, это, без кляссеров...

Я представила, что это такое. Оно было похоже на гибрид чупокабры со стрекозой – кляссер называется, а у него в лаборатории их много, на всю обойму хватит.

– Не надо нам кляссеров!

У меня начиналась истерика. Я повернулась, обойма пропала, на тропе даже следов не осталось. Кляссеры наверно унесли, подумала я, и безразлично поплелась в сторону казармы. За мной, повизгивая от удовольствия семенил десятый. Михалыч бы сказал: – не порядок. После второго, сразу десятый. Проходя мимо казармы, я по инерции поздоровалась, с застывшим в поклоне воспитателем. Он зло вращал глазами, его глаза ругались. Свою обойму я нашла в столовой. Они, как ни в чем не бывало, уничтожали обед. Наши с Никитой пайки, сиротливо жались к краю стола. После обеда, командиры обещали нам стрельбы. До этого мы собирали, разбирали, чистили оружие. Пострелять тайком, только

Гюрде удалось, тоже мне армейский хвостик. Медуза помчалась к своей новой наставнице, которая бессовестно загорала, в пятистах метрах от склада боеприпасов. Мне казалось, что в этот день, охранялась только та сторона склада, с которой загорала инспекторша. Вся обойма была в сборе. Медуза побежала расколдовывать Михайловича. Наконец он, со скрипом, разогнулся.

– Ведьма, – простонал Михалыч, посмотрел испугано на Медузу. Ведьмы, дополнил он.

Суставы его, еще непривычно скрипели при ходьбе, как несмазанные сапоги. Вот и все, приплыли, видно старею – тихо сказал воспитатель.

Глава 4

Выполнив построение обоймы, я доложила воспитателю по уставу, что мол обойма построена, в наличие имеется..., отсутствуют столько то, из них по уважительной причине ... столько-то. Готовы к учебным стрельбам. Стояли все, даже Медуза, стояла смирно по струнке, только десятый номер, похрюкивая, вертел в руках свой Асс и ковырял землю носком правой ноги. А это, что за муди... Не надо – хором заорала вся обойма, не дав Михайловичу закончить вопрос. Ибо десятый начинал тихонько подвывать. Этот, наверное, хуже ведьм, если вся обойма за него просит, подумал Михалыч, про себя отметив, что громче всего орала Медуза.

– На каждую..., есть... с резьбой, про себя, отметил Ми-

халыч, и как- то, даже заужал этого новенького мальчика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.